

Анна ДУБРОВСКАЯ:

«Игрой пресытитесь невозможным»

Только что в Вахтанговском театре состоялась премьера "Царской охоты" Леонида Зорина. В спектакле, поставленном Владимиром Ивановым, Анна Дубровская играет одну из главных ролей. Напомним, что Елизавету актриса играла еще в Щукинском училище и уже тогда привлекла внимание публики и критики. Сегодня в ее репертуре — Дездемона в "Отелло", Зинаида в "Дядюшкином сне". Наверное, она могла бы сыграть и Джульетту, и Офелию, и Нину Заречную. Летом она принимала участие в съемках фильма Сергея Бодрова, уехала из Кармадонского ущелья в Москву, чтобы играть свои спектакли. Бог и Театр спасли ее от неминуемой гибели. Работа помогает пережить трагедию. Работы много и не только на сцене Вахтанговского театра. Олег Меньшиков приглашает Анну Дубровскую в свои антрепризные спектакли. Евгений Гришковец для своей "Планеты" выбрал среди нескольких претенденток именно Анну. Кстати, тексты для своих монологов в "Планете" актриса писала сама. Но начиналась творческая карьера Анны Дубровской неожиданно. В Минске, где она провела детство и юность, в театральном институте ее не пропустили даже на первый тур, посоветовав идти работать экскурсоводом или учителем. Но мама настояла, и юная Аня отправилась искать счастья в столицу.

лом, имеешь счастье выходить на сцену, ты обязана держать форму. А иначе уходи!

— Что вы вкладываете в понятие "профессионал"?

— Я служу в театре восемь сезонов, и только сейчас начинаю понимать, куда я посылаю звук, слышит ли меня балкон, а не только партер. В театре нужен особый навык, опыт. Сейчас я продолжаю набирать его, учиться. И я знаю, в каких случаях еще нужно очень много набирать. Ведь театр очень похож на спорт. Окружающие люди могут говорить много хороших слов по поводу моей работы, но я никогда не обольщалась. Интуиция меня не подводит. Потом, после "Турандот", я четыре года играла мало, хотя меня вводили и на маленькие роли, и на эпизоды. Играла и в масовке. Что естественно. Ведь театр — производство и с этим приходится мириться.

— Когда-то актера всегда спрашивали: есть ли у него своя тема?

— Мне интересно играть женскую тему. При этом я не люблю играть девочек. Ведь как зачастую происходит в театре: приходит после института молодая актриса. Она, несмотря на свои двадцать с лишним лет, уже женщина и имеет право играть именно эту тему. Но ей дают играть дочек, падчериц и так далее. И меня такая участь в свое время не обошла стороной.

— Но теперь, слава Богу, ролей у вас много, причем очень разных. Кто из ваших персонажей близок вам более всего?

— Наверное, Зинаида из спектакля "Дядюшкин сон", который поставил мой учитель Владимир Иванов. Я ее "почувствовала". Для меня было очень важно то, что мы очень

подробно и глубоко провели разбор материала. Да, в конце концов, это ведь Достоевский!

— В "Дядюшкином сне" вы впервые встретились на сцене с патриархом Вахтанговского театра Владимиром Этушем. Как чувствовала себя юная актриса рядом со своим бывшим ректором?

— С Владимиром Абрамовичем мы знакомы давно. Правда, началось наше знакомство курьезно. На вступительном коллоквиуме я переволновалась, все перепутала и ответила, что "Шинель" написал Чехов. И Владимир Абрамович счел, что человек с таким низким уровнем развития недостойн Щукинское училище. Сейчас наши отношения очень теплые, мы симпатизируем друг другу. С наслаждением вспоминаю то время, когда мы работали над спектаклем.

— А если отношения с партнером вне работы не складываются, проявляется ли это на сцене?

— Если говорить о театре Вахтангова, то там труппа такая сильная и профессиональная, что происходящее за кулисами никогда не касается спектакля. Ну, зачем выяснять какие-то отношения на сцене? Проиграешь прежде всего ты сама. У меня в театре нет ни с кем не то что плохих, а даже натянутых отношений. Я стараюсь ситуацию держать под контролем.

— Продолжим разговор о ваших ролях. Мне показалась очень интересной и необычной Дездемона в спектакле Евгения Марчелли. Есть ли в ней черты характера, похожие на ваши?

— Я вела бы себя совсем не так, как она. Я ведь играю юное существо, которое еще ничего в этой жизни не пони-

мает. Она очень искренне любит, и как любая юная женщина пребывает в состоянии эйфории. Она совершает массу ошибок, расплата за которые оказывается страшной. Хотя у нас акценты немного сдвинуты. В пьесе она — классическая "голубая" героиня и непонятно, за что ее приревновал мавр. В нашем спектакле существует провокация. Наша Дездемона живая, импульсивная и совершает неверные поступки, за них, бедняга, и расплачивается. Она не уступает мужу, хочет доказать, что главное в этой жизни — она.

— Есть ощущение импровизационности вашего пребывания на сцене. Часто ли приходится использовать какие-то наработки, штампы?

— Штампы есть у всех. Мой учитель Владимир Иванов всегда повторяет такую фразу: "У плохого артиста пять штампов, у хорошего — сто пятьдесят пять". Нужно очень любить эту профессию, чтобы каждый раз, "выдавая на-гора" свои штампы, убеждать зрителя в том, что это родилось сию секунду.

— Кстати, о любви к профессии. У вас никогда не возникало сомнений, колебаний в правильности выбранного пути?

— Актрисой я хотела стать всегда, ничем другим я просто не смогла бы заниматься. Но я настроила себя на то, что это очень опасная профессия и в любой момент может тебя подвести. Я вижу перед глазами живые примеры и понимаю, что нужно уметь и быть всегда готовой переключиться на что-нибудь другое.

— В чем вы видите опасность профессии?

— В том, что ты можешь идти по своему пути достаточно ус-

пешно: есть роли, есть признание. Но жизнь может сложиться так, что ролей больше не будет. И в театре очень много людей, больных тем, что они не состоялись. Люди перестают жить. Они существуют в реальности двадцатилетней давности и рассказывают о тех событиях так, как будто это было вчера. Нужно быть готовой к тому, что можно жить и без театра. В жизни есть еще много прекрасных вещей: семья, дети, например. Я с такой легкостью говорю об этом, но, конечно, если такое произойдет в жизни, я не знаю, что буду делать.

— А бывает все же, что каждодневные выходы на сцену становятся тягостной обязанностью?

— Иногда я действительно устаю. Так бывает, когда спектакли идут каждый день. Конечно, это очень сильное напряжение. Но если спектакль сложился, и ты выложила по-настоящему, то получаешь какую-то хорошую энергию от зрителя. Происходит взаимобмен, и в эти минуты ты чувствуешь счастье. Но такое бывает очень редко. Чаще всего я бываю недовольна собой.

— Можно ли сказать, что вам везло в жизни?

— Да, в какой-то степени. Но если говорить откровенно, все то, что я получаю в жизни, добиваюсь своим трудом.

— В жизни вы, судя по всему, человек очень легкий и неконфликтный. А в работе вы всегда ладите со своими режиссерами?

— Наверное. Во всяком случае, я всегда стараюсь вникнуть в то, что говорит режиссер. Но иногда приходится идти на компромиссы, искать какие-то ухищрения. Ведь порой бывает очень трудно разоблачить, чего от тебя хотят. А ведь выходить на сцену все равно придется мне, и спросят все равно с меня. Ведь в программе не напишешь: "Уважаемый зритель! Простите, если вы что-то не поняли, но режиссер просил меня сделать вот так!" (Смех).

Взаимопонимание между режиссером и актером — качество редкое. Здесь важно, чтобы режиссер тебя чувствовал. И ты его. Как это происходит, например, у нас с Владимиром Ивановым. Он меня знает досконально. Сказывается то, что я встретила с ним в семнадцать лет и работаю до сих пор. Здесь я доверяюсь полностью. И все равно — до определенной черты. Ведь нельзя себя потерять. Нужно все то, что он показывает (а актер он замечательный) "перекроить" на себя. Иначе сотрутся твои личные качества.

— На спектакле Владимира Мирзоева "Амфитрион" в Вахтанговском театре я наблюдал, как режутся и хохмят ваши партнеры. Вы же при этом не позволяли себе лишнего и "блюли себя". Вы очень дисциплинированная актриса?

— В случае с "Амфитрионом" есть своя специфика. Я вводилась в чужой рисунок роли. В этом случае я лишена возможности импровизировать и свободно "купаться" в роли. Моя задача — не разрушить того, что построено не мной. А если говорить об импровизации, то я ее очень люблю. Но это в том случае, когда я чувствую себя уверенно и свободно. Когда я сама создала рисунок, то имею право насыщать его какими угодно "завитками".

— Вам было интересно работать в "Амфитрионе"?

— Очень! Работали мы долго, Владимир Мирзоев сам меня вводил на роль. Он ко всем

Зрелище и сцена —